Организация Объединенных Наций A/C.6/61/SR.16

Генеральная Ассамблея

Шестьдесят первая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
26 February 2007

Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 16-м заседании,
состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, во вторник, 31 октября 2006 года, в 10 ч. 00 м.

Председатель: г-н Гомес Робледо ..... (Мексика)

Содержание

Пункт 78 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief of the Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza) и вноситься в экземпляр отчета.

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

06-59380.R

Заседание открывается в 10 ч. 10 м.

Пункт 78 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии (*продолжение*) (A/61/10)

1. **Г-н Хмоуд** (Иордания) говорит, что в свете отсутствия мировой международной практики Комиссии следует применять осторожный подход при разработке положений, касающихся ответственности международных организаций, в частности проектов статей по соответствующим положениям об ответственности государств за международно противоправные деяния. Проекты статей следует формулировать с учетом особенностей той или иной международной организации. В отличие от государств, международная организация не является суверенной единицей, и определяемые суверенитетом государства аспекты его ответственности не свойственны международной организации.

2. В главе V об обстоятельствах, исключающих противоправность, проект статьи 17 речь идет о согласии. Юридически действенное согласие международной организации – вопрос очень сложный, особенно когда речь идет об организации, которая имеет органы с дублирующими функциями, как, например, Организация Объединенных Наций. Требуется найти ответ на следующие вопросы: какой орган или физическое лицо имеет право выразить согласие; может ли существовать имплицитное согласие международных организаций; и какие последствия может иметь для международной организации то обстоятельство, что в отношении конкретного деяния позиции двух или более ее органов не совпадают. Проект статьи 18 касается самообороны, которая является неотъемлемым правом государства, вытекающим из его суверенитета. В случае вооруженного нападения государство осуществляет самооборону в целях защиты своей территориальной целостности и политической независимости. Однако это положение неприменимо в отношении международной организации, которая не обладает территориальным суверенитетом. Приводимые в комментарии примеры на самом деле не являются примерами доктрины самообороны. Защита миссии осуществляется в соответствии с мандатом, а не в силу неотъемлемого права, а защита жизни и собственности в соответствии с конкретным мандатом не рассматривается международным правом как самооборона. Если целью является исключение противоправности оборонительного действия, осуществляемого в рамках мандата, то следует соответствующим образом изменить формулировку проекта статьи.

3. С другой стороны, делегация Иордании считает правомерным включение форс-мажора (проект статьи 20) и бедствия (проект статьи 21) в число обстоятельств, исключающих противоправность поведения международной организации. Имеются примеры международной практики, касающиеся форс-мажорных обстоятельств; и, несмотря на отсутствие соответствующей международной практики, бедствие также может рассматриваться как обстоятельство, исключающее противоправность. Подобный подход применим и к состоянию необходимости (проект статьи 22), даже если пример, приводимый в комментарии, относится скорее к нарушению обязательств в отношении служащего организации, а не международного обязательства. Тем не менее делегация Иордании хотела бы получить от Комиссии пояснения по поводу значения фразы "существенный интерес международного сообщества в целом" в пункте 1 a).

4. Что касается главы об ответственности государств в связи с деянием международной организации, то делегация Иордании считает помощь или содействие государства в совершении международно противоправного деяния международной организацией (проект статьи 25) основанием для возложения ответственности на данное государство. Однако в комментарии не уточняются форма или объем такой помощи или содействия, за которые государство несет ответственность, а это имеет решающее значение для понимания воздействия проектов статей, в частности, в отношении государств-членов. Например, непонятно, является ли финансовый взнос в годовой бюджет организации помощью или содействием в совершении противоправного деяния и существует ли какая-либо разница между прямым или косвенным финансированием этого деяния с помощью такого взноса. Далее, также требуется точнее определять степень руководства и контроля (проект статьи 26), которая влечет за собой ответственность государства-члена. Учредительный акт и правила организации могут помочь определить, осуществляется ли государством или государствами руководство и контроль в совершении противоправного деяния, но следует также рассмотреть и другие показатели.

Принуждение (проект статьи 27), осуществляемое государством – членом международной организации, также может быть охарактеризовано как руководство и контроль в совершении данной организацией противоправного деяния.

5. Делегация Иордании поддерживает проект статьи 28 о международной ответственности в случае наделения компетенцией международной организации. Государство не должно рассчитывать на возможность передачи компетенции международной организации в отношении международного обязательства, с тем чтобы самому освободиться от ответственности. Такой иммунитет может привести к пробелу в концепции, если деяние не является противоправным для самой международной организации. Что касается проекта статьи 29 об ответственности государства, являющегося членом международной организации, за международно противоправное деяние этой организации, то следует иметь в виду, что государство и международная организация являются образованиями, обладающими раздельной правосубъектностью. В результате членство в организации не создает само по себе международную ответственность. Тем не менее учредительный акт и правила организации могут играть важную роль в определении того, возлагает ли членство ответственность за противоправное деяние организации. Совместное управление, осуществляемое всеми государствами-членами, неизбежно налагает ответственность разного рода либо за руководство и контроль (проект статьи 26), либо на основании данного согласия [пункт 1 a) проекта статьи 29]. Решение вопроса о компенсации потерпевшей стороне, в случае если международная организация не в состоянии ее обеспечить, будет опять же зависеть от того, взяли ли государства-члены на себя ответственность за деяния организации в соответствии с учредительным актом или правилами данной организации. Государства-члены будут также совместно отвечать за предоставление компенсации, если потерпевшая сторона полагается на такую ответственность. Наконец, делегация Иордании не видит причин, почему обязательства государств не включают сотрудничество с целью положить конец нарушению международной организацией обязательства, вытекающего из императивной нормы международного права.

6. **Г-н Виджаян** (Индия) отмечает важность работы Комиссии по вопросам общих природных ресурсов, поскольку в этой области международная практика находится в стадии развития. В частности, в последние годы наблюдаются значительный рост деятельности и увеличение научных знаний в отношении трансграничных водоносных горизонтов. Поэтому делегация Индии разделяет точку зрения Комиссии о том, что пока рано делать выводы относительно окончательной формы проектов статей о праве трансграничных водоносных горизонтов. Делегация Индии также поддерживает включение в проект статьи 3 прямого подтверждения принципа суверенитета государства над той частью трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, которая находится на его территории. Для понимания принципа справедливого и разумного использования проекты статей 4 и 5 следует рассматривать вместе. Выражение "приумножение благ", используемое в подпункте a) проекта статьи 4, требует уточнения, поскольку в названии как проекта статьи 4, так и проекта статьи 5 употребляется слово "использование".

7. Делегация Индии поддерживает использование термина "осторожный подход" в проекте статьи 11. Тем не менее данный принцип нуждается в более четкой формулировке, а слова "с учетом неопределенности…" в начале предложения следует исключить в силу их неприемлемости в юридическом плане. Хотя в проекте статьи 16 говорится об обязанностях государств в случае реальных чрезвычайных ситуаций, в комментарии признается недостаток соответствующих знаний в отношении видов и масштабов возможных чрезвычайных ситуаций или принимаемых ответных мер. Индия поддерживает предусматриваемое проектами статей общее обязательство о сотрудничестве. Однако, по-видимому, имеет место некоторое дублирование, поскольку обязательство сотрудничать в различном контексте упоминается в проектах статей 4, 7, 13 и 19. Следует более четко определить взаимозависимость между различными механизмами сотрудничества.

8. Что же касается проектов статей об ответственности международных организаций, то делегация Индии в прошлом уже предупреждала, что обстоятельства, исключающие противоправность, которые могут быть применимы в отношении государств, не могут быть в равной степени применимы в отношении международных организаций. Отличительные признаки государства и международной

организации не одинаковы. Кроме того, учитывая разнообразие международных организаций и различия их целей и функций, будет трудно определить, какие исключающие противоправность обстоятельства из тех, которые применимы в отношении государств, применимы и в отношении международных организаций, главным образом в силу отсутствия установившейся практики в этой области. Хорошим примером в этом отношении является проект статьи 18 о самообороне. Понятие самообороны по самой своей природе применимо лишь к действиям государства. Кроме того, возникает вопрос, разве на международные организации обычно возлагаются такие международные обязательства, которые логически могут привести к нарушению императивной нормы общего международного права.

9. Делегация Индии также не уверена, следует ли распространять понятие состояние необходимости (проект статьи 22) на международные организации. Государства имеют право ссылаться на необходимость защищать свои существенные интересы, но при отсутствии конкретной практики трудно предусмотреть, при каких обстоятельствах осуществление такого права следует распространять на международные организации. При применении этой концепции в отношении миссий по поддержанию мира также возникают проблемы, поскольку такого рода миссии функционируют в соответствии с четко установленными правилами. Поэтому делегация Индии хотела бы, чтобы этот проект статьи был исключен, с тем чтобы избежать его использования в качестве предлога для несоблюдения международных обязательств или для нарушения прав любого третьего государства.

10. **Г-жа Пино Риверо** (Куба) отмечает, что в результате консультаций со специалистами в области гидрогеологии были разработаны проекты статей о праве трансграничных водоносных горизонтов, по своей глубине и серьезности отвечающие поставленным требованиям. Проекты статей должны помочь государствам в использовании водоносных горизонтов на своей территории, над которыми они осуществляют суверенный контроль, и в сотрудничестве в деле их защиты и надлежащего использования. Необходимо четко сформулировать этот принцип в проектах статей, поскольку вода относится к природным ресурсам, жизненно необходимым для существования человечества. Нехватка воды – это глобальная проблема, и беспорядочное использование, отсутствие защиты и загрязнение могут в будущем привести к кризису в международных отношениях.

11. В то время как в проектах статей 4 и 5 делается акцент на "справедливом и разумном" использовании водоносного горизонта, для права окружающей среды более свойственно применение термина "устойчивый", как, например, в Конвенции о биологическом разнообразии, которая имеет отношение к данным проектам статей, поскольку водоносный горизонт – это часть экосистемы. Поэтому делегация Кубы предлагает применять термин "устойчивый" вместо "разумный". В проекте статьи 6 слово "prevenir" в испанском варианте следует заменить на "evitar" во всех тех случаях, где оно употребляется, с тем чтобы более точно передать значение английского глагола "предотвращать" (prevent). Кроме того, в данную статью следует включить принцип компенсации за загрязнение и сформулировать положение о возмещении ущерба тем государством, которое его нанесло. Кроме того, Комиссия должна разъяснить значение словосочетаний "значительные неблагоприятные последствия" в проекте статьи 14 и "серьезный ущерб" в проекте статьи 16, с тем чтобы при применении этих статей избежать различного толкования со стороны отдельных государств.

12. В отношении проектов статей об ответственности международных организаций, делегация Кубы в основном поддерживает подход, согласно которому в качестве модели используются статьи об ответственности государств за международно противоправные деяния. Однако ввиду структурных различий и различий в интересах государств и международных организаций не все аспекты статей об ответственности государств могут быть транспонированы в настоящий текст. Необходимо дополнительно изучить, например, вопрос о том, как определить, когда и каким образом международная организация могла бы ссылаться на самооборону (проект статьи 18) в качестве обстоятельства, исключающего противоправность, поскольку самооборона не входит в функции и практику международной организации. Делегация Кубы согласна, что международная организация может ссылаться на состояние необходимости (проект статьи 22) как на обстоятельство, исключающее ответственность за противоправное деяние, однако лишь в том случае, если такое противоправное деяние

является единственным средством защиты крайне важного интереса данной организации от чрезвычайной и неизбежной опасности. Однако эта формулировка должна быть надлежащим образом сбалансирована во избежание беспорядочного использования данной концепции в целях оправдания противоправных деяний.

13. В ответ на вопрос о том, обязаны ли члены международной организации, не несущие ответственности за международно противоправное деяние этой организации, предоставлять компенсацию потерпевшей ущерб стороне, если данная организация не в состоянии этого сделать [A/61/10, пункт 28 a)], делегация Кубы отмечает, что международная организация и государство обладает различной и независимой правосубъектностью. Ответственность за предоставление компенсации потерпевшей ущерб стороне должна нести прежде всего международная организация, и ответственность не должна возлагаться на государство-члена, которое не принимало участия в данном деянии или при принятии решения, приведшего к деянию, результатом которого явилось нанесение ущерба. Если международная организация не в состоянии предоставить компенсацию, то ей следует искать альтернативное решение, но таким решением, безусловно, не должно быть переложение ответственности на государств-членов.

14. **Г-н Паасивирта** (Наблюдатель от Европейской комиссии), выступая по вопросу об ответственности международных организаций от имени Европейского сообщества, говорит, что в комментарии к проекту статьи 17 о согласии приводится пример согласия государства на проверку процесса выборов. В дополнение к имеющимся у Европейского союза средствам урегулирования гражданских кризисов Европейское сообщество обладает значительной практикой в области наблюдения за проведением выборов. Согласно двум постановлениям 1999 года, Сообщество оказывает помощь при проведении выборов путем поддержки независимых избирательных комиссий, предоставления соответствующих материалов, технического и правового содействия в подготовке выборов, включая предвыборную перепись населения, а также путем принятия мер по обеспечению участия конкретных групп, в частности женщин, и подготовке наблюдателей. Миссии Сообщества по наблюдению за проведением выборов обычно осуществляются под руководством одного из членов Европейского парламента по приглашению правительства принимающей страны.

15. В отношении проектов статей об ответственности государства в связи с деянием международной организации следует отметить, что проекты статей 25–27 и 30 не требуют особого комментария, за исключением предупреждения о том, что такое прямое заимствование статей об ответственности государств требует тщательной проверки. Однако новые проекты статей 28 и 29, которые не имеют прецедента, создают определенные проблемы для Европейского сообщества в свете особого характера Сообщества. В проекте статьи 28 выдвигается новая идея относительно того, что государство – член международной организации может нести ответственность за наделение организации компетенцией; в данной редакции проект статьи можно понимать так, что государство может нести ответственность за сам факт передачи компетенции международной организации, даже если действия этой организации законны, но государство таким образом обходит одно из своих международных обязательств. С точки зрения Европейского сообщества такой подход трудно понять. Оратор также хотел бы напомнить о критике, прозвучавшей на предыдущей сессии Комиссии, по поводу концепции обхода в том виде, в каком она используется в проекте статьи 15.

16. Представляется искусственным пример, приведенный Специальным докладчиком в его докладе (A/CN.4/564/Add.1, пункт 68), относительно того, что государства, связанные Договором о нераспространении ядерного оружия, могут быть признаны ответственными, если они создадут международную организацию, которая приобретает или разрабатывает ядерное оружие. Тем не менее приводимые в комментарии более релевантные примеры, касающиеся судебной практики Европейского суда по правам человека, не объясняют использования общей терминологии в проекте статьи. Хотя Суд особо выделил тот факт, что государства – участники Европейской конвенции о правах человека не могут уклоняться от выполнения своих обязательств, передав полномочия международной организации, которая не является участником Конвенции, он также подчеркнул, что государство не несет ответственности за деяния этой организации, если организация обеспечивает уровень защиты прав человека, соответствующий тому, который государства-члены обязаны поддерживать в соответствии с Конвенцией. В проекте статьи 28 не

нашел отражения этот критерий эквивалентности официальных обязательств государств-членов и обязательств, соблюдаемых организацией в силу ее назначения. Поскольку слово "обходы" не означает наличия конкретного намерения обойти обязательство, данный проект, по-видимому, представлен в слишком сжатой форме. По крайней мере, для того чтобы эта статья была приемлема для Европейского сообщества, следовало бы уточнить, что обход не имеет места, если государство передает полномочия международной организации, не связанной договорными обязательствами данного государства, но чья правовая система предлагает сопоставимый уровень гарантий.

17. Возникают вопросы также в связи с проектом статьи 29. Хотя Европейское сообщество могло бы в конечном счете принять принцип, согласно которому ответственность государства – члена международной организации за международно противоправное деяние этой организации может презюмироваться в лучшем случае как субсидиарная, условия, содержащиеся в пункте 1, потенциально имеют далекоидущие последствия. Согласно пункту 1 a), государство несет ответственность в том случае, если оно согласилось нести ответственность за конкретное деяние. В некоторых международных организациях, таких как Европейское сообщество, прямое принятие ответственности жестко ограничивается уставом организации. Согласно пункту 1 b), государство несет ответственность, если оно дало повод потерпевшей стороне полагаться на его ответственность. Применение этого принципа может вызвать проблемы в отношении смешанных соглашений Европейского сообщества и его государств-членов с третьими государствами, в которых Сообщество и его государства-члены являются участниками "с одной стороны", а третье государство является участником "с другой стороны"; можно предположить, что таким образом у третьего государства были основания утверждать, что государства-члены в соответствии с международным правом несут ответственность за осуществление соглашения в целом, хотя значительные части его могут подпадать исключительно под юрисдикцию Сообщества. Несмотря на то что Сообщество само могло бы найти решение таких сложностей, проект статьи 29 в данной редакции вряд ли будет полезным.

18. **Г-н Памбу-Чивунда** (Председатель Комиссии международного права), внося на обсуждение главу VIII относительно оговорок к международным договорам, говорит, что Комиссия приняла пять проектов руководящих положений, касающихся действительности оговорок, и пересмотрела принятые ранее два проекта руководящих положений в свете новой терминологии, утвержденной на пятьдесят восьмой сессии. Комиссия также обсудила вторую часть десятого доклада Специального докладчика (A/CN.4/558/Add.1 и Corr.1 и Add.2) и передала в Редакционный комитет 16 проектов руководящих положений.

19. Пять проектов принятых Комиссией руководящих положений вошли в третью часть Руководства по практике, они охватывают вопросы действительности оговорок и включают заявления о толковании. После длительного обсуждения Комиссия остановила свой выбор на терминах "действительность" и "недействительность" оговорок, отказавшись от терминов "допустимость" (licéité) и "недопустимость" (illicéité), поскольку большинство членов Комиссии придерживались той точки зрения, что "действительность" более нейтральный термин и не вызывает разногласий по поводу доктрины, как таковой, между сторонниками понятия "допустимость" и сторонниками термина "противопоставимость". Термин "допустимость" был сохранен в английском тексте для указания на действительность оговорок по существу в соответствии с требованиями статьи 19 Венских конвенций. Этот термин по-французски передается выражением "validité substantielle".

20. В третьей части Руководства по практике речь идет, соответственно, о допустимости оговорок, компетенции оценивать действительность оговорок и последствиях недействительности оговорки.

21. В проекте руководящего положения 3.1 точно воспроизводится формулировка статьи 19 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года, которая, в свою очередь, повторяет соответствующее положение Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года лишь с двумя дополнениями, которые касаются договоров, заключаемых международными организациями. В проекте данного руководящего положения речь идет о правомочности делать оговорки и об условиях, ограничивающих эту правомочность. Поскольку принцип, в основе которого лежит право

формулировать оговорки, не может быть отделен от исключений из этого принципа, Комиссия, которая, как правило, старается не вносить изменений в текст положений Венских конвенций, которые она включила в Руководство по практике, решила не разрабатывать отдельного проекта руководящего положения, касающегося лишь презумпции действительности оговорок. Поэтому в проекте руководящего положения 3.1 она сохранила ссылку на различные условия, позволяющие формулировать оговорку, несмотря на то что такая ссылка излишня, так как включена в существующее в настоящее время определение оговорок.

22. Действительность оговорок зависит не только от субстантивных условий, содержащихся в статье 19 Венских конвенций, но также и от соблюдения таких условий, как форма и своевременность. Поскольку о последней речь шла во второй части Руководства по практике, в третьей части больше внимания уделяется действительности по существу.

23. В проекте руководящего положения 3.1.1 перечислены случаи, когда оговорки определенно запрещены, и уточняется сфера применения подпункта a) проекта руководящего положения 3.1, в котором не указывается, что понимается под "оговоркой, запрещенной договором". Запрещение может быть ясным и четким или в определенной степени двусмысленным. Чаще всего запрещение бывает частичным и относящимся к одной или нескольким определенным оговоркам или к одной или нескольким категориям оговорок. В более сложных случаях оговорки договором не запрещаются, но исключаются их отдельные категории. В подпункте a) статьи 19 Венских конвенций охвачены все три случая.

24. Целью руководящего положения 3.1.2 является более четкое раскрытие смысла выражения "определенные оговорки", которое отсутствует в Венских конвенциях, несмотря на его важность для применимого правового режима, поскольку оговорки, которые не являются "определенными", должны пройти проверку на совместимость с объектом и целью договора. На практике некоторыми резервирующими пунктами разрешаются оговорки к определенным положениям, которые определенно и ограничительно перечислены как предполагающие утверждение или отмену, другими разрешаются определенные категории оговорок, и лишь немногими разрешаются оговорки в целом.

25. Общее разрешение оговорок не обязательно решает все проблемы, поскольку остаются без ответа два вопроса: не могут ли другие стороны все-таки высказывать возражения и подлежат ли разрешенные оговорки проверке на предмет совместимости с объектом и целью договора.

26. Большинство членов Комиссии придерживались точки зрения, согласно которой оговорку следует считать определенной, если в резервирующем пункте указаны положения договора, в отношении которых может быть сделана оговорка, или же в нем указывается, что договор, как таковой, допускает оговорки в отношении определенных конкретных аспектов.

27. В проекте руководящего положения 3.1.3 эксплицитно выражено то, что подразумевалось в Венских конвенциях, а именно, что каждая оговорка должна отвечать основному условию, содержащемуся в подпункте c) статьи 19, относительно совместимости с объектом и целью договора. Этот принцип является одним из основополагающих элементов созданной венским режимом гибкой системы. Тем не менее, несмотря на то что это требование, несомненно, является нормой обычного права, его содержание расплывчато и не снимает некоторую неопределенность в отношении последствий несовместимости. В этом проекте руководящего положения ясно выражена та мысль, что оговорки, которые "имплицитно разрешены", поскольку в договоре они формально не исключаются, должны быть совместимы с объектом и целью договора.

28. В проекте руководящего положения 3.1.4 поясняется, что, когда в договоре не определяется суть конкретных оговорок, они по-прежнему подлежат проверке на совместимость. Конечно, a contrario, когда суть определенной оговорки указывается в резервирующем пункте, в отношении оговорки, отвечающей этому положению, критерий совместимости не применяется.

29. В проекты руководящих положений 1.6 и 2.1.8 были внесены изменения с учетом новой терминологии, принятой Комиссией. Наконец, оратор обращает внимание на то, что Комиссия будет

благодарна правительствам, если получит их мнения относительно тех изменений, которые они считают необходимыми или полезными для внесения в предварительные выводы Комиссии международного права по оговоркам к нормативным многосторонним договорам, включая договоры по правам человека, принятые Комиссией на ее сорок девятой сессии, поскольку она намерена провести совещание с экспертами Организации Объединенных Наций в области прав человека на своей сорок девятой сессии.

30. Ставя на обсуждение главу IX доклада об односторонних актах государств, оратор говорит, что на своей пятьдесят восьмой сессии Комиссия рассмотрела девятый доклад Специального докладчика (A/CN.4/569 и Add.1) и решила вновь учредить Рабочую группу открытого состава под председательством г-на Алана Пелле. Она попросила Рабочую группу подготовить выводы Комиссии по теме "Односторонние акты государств" с учетом различных выраженных точек зрения, проекта руководящих принципов, подготовленного Специальным докладчиком, и проведенной ею ранее работы по этой теме. Изучив доклад Рабочей группы, Комиссия приняла свод из 10 руководящих принципов, касающихся односторонних заявлений государств и способных породить правовые обязательства, и предложила эти руководящие принципы вниманию Генеральной Ассамблеи.

31. Комиссия приняла данные руководящие принципы, полагая, что для государств важно иметь возможность судить с достаточной уверенностью о том, могут ли и в какой степени их односторонние действия связать их юридическими обязательствами в международном плане. Комиссия осознает, что концепция одностороннего действия не обрела еще окончательной формы и может распространяться на поведение во всем его многообразии. Приоритет был отдан изучению официальных заявлений, содержащих ясно выраженное намерение государства-автора взять на себя юридические обязательства. Комиссия понимает, тем не менее, что государства могут принять на себя обязательства, не выступая с официальным заявлением, а совершая какое-либо другое одностороннее действие.

32. Для определения односторонних актов stricto sensu, содержащегося в руководящем принципе 1, использовались два критерия: публичный характер заявления и проявление воли автора взять на себя юридические обязательства. Обязательность таких заявлений основывается на принципе добросовестности. Международная практика дает множество примеров, подтверждающих руководящий принцип 1, который, кроме того, основан на прецедентном праве Международного Суда, также признающего решающую роль намерения государства, о котором идет речь.

33. В руководящем принципе 2 всего лишь утверждается, что любое государство обладает правоспособностью брать на себя юридические обязательства посредством односторонних заявлений. Руководящий принцип 3 подсказан решениями Международного Суда. В нем перечислены факторы, которые необходимо учитывать при определении правовых последствий таких заявлений. Релевантность этих факторов подтверждается многочисленными примерами из международной практики.

34. Руководящий принцип 4 касается правоспособности какого-либо государственного органа возложить на данное государство обязательства путем международного заявления. Практика государств и судебная практика Международного Суда свидетельствуют о том, что такое право, бесспорно, принадлежит главам государств, главам правительств и министрам иностранных дел. Тем не менее Международный Суд в своих самых последних решениях признал, что и другие лица могут быть уполномочены тем или иным государством связать последнее правовыми обязательствами по вопросам, входящим в сферу их компетенции.

35. Говоря о руководящем принципе 5, оратор отмечает, что в нескольких случаях Международный Суд приходил к выводу, что вопрос формы не играет решающей роли и что это подтверждается практикой государств. В делах о *ядерных испытаниях* Международный Суд пришел к выводу, что даже ряд заявлений, которые в отдельности не возложили бы обязательство на государство, в совокупности составляют юридическое обязательство.

36. Что касается руководящего принципа 6, то практика государств дает несколько примеров односторонних заявлений, сделанных в исключительно двустороннем контексте, а также заявлений, адресованных ограниченной группе государств или

международному сообществу в целом. В последнем случае такие заявления содержат erga omnes обязательства.

37. Тональность руководящего принципа 7 соответствует решениям Международного Суда и статье 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, которые по аналогии касаются односторонних заявлений.

38. Что касается руководящего принципа 8, то большинство членов Комиссии сочли целесообразным применить к односторонним заявлениям принцип, содержащийся в статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. В своем решении по делу о *вооруженных действиях на территории Конго* Международный Суд не исключал возможность недействительности одностороннего заявления государства.

39. В руководящем принципе 9 к односторонним заявлениям просто применяется общепризнанный принцип международного права, содержащийся в статье 34 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Кроме того, одностороннее заявление, цель которого – наложить обязательства на другие государства или ограничить их права, даже если оно не принимается в строгом значении этого термина, может спровоцировать аналогичные заявления и тем самым послужить отправной точкой быстрого процесса развития обычного права; одним из примеров может служить заявление Трумэна 1945 года об американском континентальном шельфе.

40. В контексте руководящего принципа 10 коренное изменение обстоятельств, на которое делается ссылка в подпункте c), следует понимать в строгих рамках нормы обычного права, закрепленной в статье 62 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года.

41. В заключение оратор обращает внимание на пункты 171 и 172 доклада Комиссии.

42. **Г-жа Хаммаршельд** (Швеция), выступая от имени стран Северной Европы (Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции), говорит, что вопрос об оговорках, несовместимых с объектом и целью договора, является наиболее важным аспектом темы об оговорках к международным договорам. Оратор понимает, почему Специальный докладчик полагает, что в Руководстве по практике обязательно должно быть дано определение объекта и цели договора. Однако в результате включения такого определения произойдет лишь замена одного загадочного, неясного понятия другим или будут введены усложненные критерии, что может внести путаницу в устоявшуюся терминологию, используемую в Венской конвенции о праве международных договоров. Два альтернативных варианта проекта статьи 3.1.5 скорее вызывают замешательство, чем проясняют вопрос.

43. Ожидается, что в одиннадцатом докладе Специального докладчика буден дан комментарий о последствиях оговорки, признанной несовместимой с объектом и целью договора. Растущее число стран, в том числе и Швеция, практикуют отделение такой оговорки от договорных отношений между соответствующими странами. Поскольку ратификация договора означает согласие ратифицирующего государства взять на себя обязательства в соответствии с его положениями, государству, которое аннулирует ключевые положения договора путем внесения оговорки, не следует разрешать присоединяться к нему.

44. Статья 19 Венской конвенции ясно устанавливает, что оговорки, несовместимые с объектом и целью договора, не должны быть частью договорных отношений между государствами. Следовательно, недействительную оговорку следует считать ничтожной. Поскольку возражение против недействительной оговорки привело к вопросу о ее ничтожности, страны Северной Европы поддерживают промежуточное решение, предлагаемое Специальным докладчиком в проекте руководящего положения 2.1.8.

45. Практика отделения несовместимых с объектом и целью договора оговорок полностью соответствует статье 19 Венской конвенции, которая явно исключает такого рода оговорки из договорных отношений. Если вместо того, чтобы возражать против недопустимых оговорок, государства отказываются от двусторонних договорных отношений с государством, выдвигающим оговорку, отделение таких оговорок послужит сохранению договорных отношений, а также даст возможность проведения диалога в рамках договорного режима. Однако при этом следует учитывать намерение государства, выдвигающего оговорку, в отношении взаимосвязи между ратификацией договора и оговоркой.

46. Страны Северной Европы приветствуют предложение провести совещание Комиссии со специалистами в области прав человека, включая представителей органов по наблюдению за осуществлением договоров, с целью обсуждения вопросов, касающихся оговорок к договорам по правам человека. Аналогичная конференция была проведена в 2002 году в Институте прав человека и гуманитарного права имени Рауля Валленберга в Лунде, Швеция, на которой присутствовали несколько представителей договорных органов и по материалам которой была издана книга. По мнению скандинавских стран Северной Европы, к вопросу о разрешении разработки отдельного режима относительно конкретных последствий недействительных оговорок к договорам по правам человека следует подходить с большой осторожностью. Нельзя допустить, чтобы предварительные выводы, сделанные Специальным докладчиком в 1997 году (A/52/10, пункт 147), имели своим результатом неоправданные последствия в отношении этого вопроса. В отношении пункта 10 данных выводов следует отметить, что если имеется возможность выбора, то сделавшему оговорку государству может не потребоваться изменять или снимать свою оговорку либо отказаться от участия в договоре.

47. **Г-н Алдай** (Мексика) говорит, что в докладах об оговорках к международным договорам, подготовленных Специальным докладчиком, дана ясная и объективная картина проблем, касающихся применения существующего договора и соответствующих норм обычного права. Делегация Мексики придерживается той точки зрения, что при определении действительности оговорки основополагающим, а не вторичным критерием является ее совместимость с объектом и целью договора. Оратор согласен со Специальным докладчиком, что определение "объекта и цели" должно быть достаточно широким, позволяющим использовать этот критерий с учетом в каждом отдельном случае конкретных обстоятельств, не нарушая при этом правил толкования договора. Даже в этом случае это отнюдь не простой процесс, и наличие определяющей статьи в договорах имеет большое значение для установления прав и обязанностей сторон. Поэтому делегация Мексики удовлетворена первым проектом руководящего положения 3.1.5, предложенным Специальным докладчиком.

48. **Г-н Хафнер** (Австрия) говорит, что проблема оговорок к договорам о правах человека столь важна, что проведение совещания Комиссии с экспертами Организации Объединенных Наций по правам человека, включая представителей органов по наблюдению за осуществлением договоров, крайне необходимо. На этом совещании можно также будет обсудить возможные поправки к предварительным выводам 1997 года об оговорках к многосторонним нормативным договорам, включая договоры по правам человека. Однако, прежде чем эти выводы подвергнутся какой-либо корректировке, было бы разумно дождаться результатов обсуждения данных проектов руководящих положений, учитывая взаимозависимость этих двух тем.

49. Хотя термин "определенные оговорки" можно встретить в статье 19 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года и оно восходит к словам "конкретные оговорки", используемыми Фитцморисом и Уолдоком в их ранних проектах статей Конвенции, сомнительно, чтобы эти эпитеты действительно имели одно и то же значение. В любом случае использование прилагательного "определенные" в последующих проектах руководящих положений определенно вызывает некоторые вопросы; например, в проекте руководящего положения 3.1.3 упоминаются "некоторые оговорки", хотя в комментарии не поясняется, подразумевается ли под этим также "определенные оговорки".

50. Даже если объект и цель договора действительно занимают центральное место в режиме оговорок, проект руководящего положения 3.1.4 вызывает некоторые вопросы. Принимая к сведению мнение Комиссии, как оно изложено в пункте 13 комментария к проекту руководящего положения 3.1.2, а именно, что оговорка считается определенной, если в резервирующем пункте указываются те положения договора, в отношении которых оговорка возможна, оратор тем не менее задается вопросом, почему сформулированные в соответствии с этими условиями оговорки все же должны проходить проверку на совместимость с объектом и целью договора. Безусловно, наличие резервирующего пункта, конкретно указывающего, в отношении каких положений договора разрешается делать оговорки, уже подразумевает, что эти положения не затрагивают объект и цель договора. Другое дело, если данная оговорка не запрещена в соответствии с пунктом b)

статьи 19 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года или если она явно предусматривается. В первом случае необходима проверка на предмет совместимости, во втором – нет.

51. Основная концепция проектов руководящих положений 3.1–3.3.2 отвечает практике Австрии, базирующейся на принципе, согласно которому недействительные оговорки ничтожны и не имеют юридической силы. Все категории оговорок, запрещаемых статьей 19 Венской конвенции, имеют аналогичные юридические последствия. Проект руководящих положений о статусе и компетенции наблюдательных органов весьма противоречив. Согласно проекту руководящего положения 3.2.1 компетенция существующих наблюдательных органов осуществлять мониторинг осуществления договора включает компетенцию в отношении оценки действительности оговорок, в то время как проект руководящего положения 3.2.2 содержит призыв к государствам наделить такие органы этой компетенцией.

52. В связи с проектом руководящего положения 3.2.3 возникает вопрос, должна ли такая компетенция распространяться на все оговорки. Если договором предусматриваются определенные оговорки и, следовательно, не возникает сомнений относительно их допустимости, обязано ли государство, делающее такую оговорку, консультироваться с наблюдательным органом? Такая процедура вряд ли будет привлекательной для государства.

53. По мнению оратора, проект руководящего положения 3.3.2 не исключает возможности inter se договоренностей, при условии что они совместимы с основным договором. Если государство делает оговорку к договору, в котором запрещаются все оговорки, а другое государство-участник принимает эту оговорку, почему нельзя рассматривать эту договоренность как inter se соглашения в соответствии со статьей 41 Венской конвенции? Даже если договор запрещает все оговорки, это вовсе не означает, что все положения договора отвечают задаче эффективной реализации объекта и цели договора в целом.

54. Проект руководящего положения 3.3.4 вызывает серьезную озабоченность, поскольку в нем государствам предлагается делать оговорки, запрещенные договором. Сомнительно, чтобы таково было действительно намерение авторов. Далее, не определяются сроки внесения возражений, хотя в действительности временные рамки чрезвычайно важны. В проектах руководящих положений ничего не говорится об эффекте умолчания. Вывод, согласно которому умолчание не может приравниваться к принятию оговорки, будет по смыслу соответствовать проекту руководящего положения 3.3.3, согласно которому недействительность не может быть устранена односторонним принятием. Однако вряд ли можно говорить о существовании чего-то подобного коллективной позиции государств – участников общих многосторонних договоров, особенно если проекты руководящих положений не устанавливают времени, к которому должна быть установлена эта позиция.

55. **Г-н Ламмерс** (Нидерланды), комментируя определение "объекта и цели" договора, говорит, что делегация Нидерландов рассмотрела два альтернативных вариант, предложенных Специальным докладчиком, но сомневается, что они служат достижению поставленной им цели. Оратор призывает проявлять особую осторожность в отношении того, что понятие "объект и цель" вообще может быть определено, поскольку в тексте уже есть ссылка на существенно важное обязательство или raison d'être конкретного юридического документа. Понятие "общая архитектура договора", предлагаемое Специальным докладчиком, по-видимому, подразумевает структуру или нормативные рамки договора, вводя понятие, не свойственное праву международных договоров, как таковому, а существенно важным с точки зрения "объекта и цели" вопросам должного внимания не уделяется. Государства могут толковать эти слова по-разному применительно к каждому конкретному договору, так же как у них могут быть различные причины стать его участником. Кроме того, выражение "объект и цель" применимо не только в отношении оговорок. Оно многократно встречается в Венской конвенции о праве международных договоров, Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями и Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров. Оно также часто используется в прецедентном праве и при урегулировании споров. Таким образом, определение "объекта и цели" не должно быть оторвано от практики, поскольку необходимость в нем может возникнуть в других ситуациях и использование его может привести к неожиданным юридическим

последствиям. Делегация Нидерландов призывает Комиссию не пытаться дать такое определение и предлагает положить конец любым попыткам найти его. Уже известен общий смысл этого понятия, и делегация Нидерландов не имеет возражений в отношении текста, ранее представленного Специальным докладчиком.

56. Касаясь оговорок к многосторонним нормативным договорам, включая договоры о правах человека, и предварительных выводов по этой теме (A/52/10, пункт 157), оратор отмечает, что в соответствии с пунктом 2 этих выводов гибкость, присущая праву об оговорках, позволяет обеспечить "приемлемый баланс между целями сохранения целостности текста договора и универсальности участия в нем". В предварительных выводах далее говорится о применимости этого тезиса в отношении договоров о правах человека. Тем не менее, как свидетельствует повседневная договорная практика, "приемлемый" баланс в этом смысле не обеспечен. Многие согласятся, что право об оговорках, по-видимому, отдает предпочтение участию в ущерб целостности договора. Что же касается роли органов наблюдения за осуществлением договоров в отношении оговорок к договорам о правах человека, то указанные выводы носят в основном описательный характер и отражают существовавшее в 1997 году и сохранившееся до сих пор положение. В сферу компетенции наблюдательных органов, конечно, входит рассмотрение вопроса об оговорках в процессе их переговоров с государствами-участниками, и выражение их мнения относительно того, рассматривают ли они конкретную оговорку как противоречащую объекту и цели договора. Их роль отличается от роли государств-участников, которые могут реагировать на оговорки, внося возражения и, в случае необходимости, принимая решения о невозможности установления договорных отношений со сделавшим оговорку государством.

57. Было бы желательным пересмотреть предварительные выводы и разъяснить, что подразумевается под выражением "юридическая сила" заключений наблюдательных органов, которое упоминается в пункте 8. Настоящий текст ограничивает юридическую силу этих заключений сферой полномочий наблюдательных органов, определенной в их учредительных документах, игнорируя тем самым их роль в толковании этих документов. Делегация Нидерландов считает, что выраженные наблюдательными органами мнения могут быть полезны при выработке правового заключения. Если эти органы твердо придерживаются определенного мнения относительно толкования отдельной категории оговорок, это мнение может рассматриваться как авторитетное толкование. Оратор призывает Специального докладчика еще раз подумать над этим вопросом и попытаться объяснить, что может подразумеваться под выражением "юридическая сила" в этом контексте. Юридические последствия работы наблюдательных органов и должный анализ существующей практики должны найти отражение в будущем руководстве по практике по теме оговорок. Делегация Нидерландов выражает озабоченность по поводу того, что работа Комиссии по этой теме до сих пор в основном сосредоточена на описании системы и ее теоретических тонкостей, а не на обеспечении практикующих юристов соответствующими документами. Делегация Нидерландов решительно поддерживает предложение о проведении в ходе пятьдесят девятой сессии семинара по оговоркам к договорам о правах человека с участием всех органов, осуществляющих мониторинг выполнения договоров о правах человека.

58. **Г-жа Харрингтон** (Канада) соглашается с выраженным Специальным докладчиком в предыдущих докладах мнением о том, что в системе Венских договоров в целом имеется неопределенность или пробел в отношении оговорок к договорам о правах человека. Оратор также приветствует подтверждение того, что правоспособность договорных органов по правам человека высказывать свое мнение относительно действительности той или иной оговорки не расширяет сферу компетенции этого органа, как она определена в его учредительном документе. Договорный орган по правам человека не может давать имеющее обязательную силу заключение по оговоркам или единолично выносить суждение относительно их действительности. Однако термины "постановить" или "постановление" не следует использовать в отношении суждения такого органа о действительности оговорки. В этом контексте предпочтительнее использовать такие термины, как "оценка" или "высказывание".

59. Вызывает удовлетворение ясно выраженное сохранение за договаривающимися сторонами права реагировать на недействительность сделанной другой договаривающейся стороной оговорки путем

возражений. Однако было бы полезно уточнить последствия, вызываемые оговоркой, являющейся ничтожной и не имеющей юридической силы, поскольку она не отвечает условиям действительности, установленным в статье 19 Венской конвенции о праве международных договоров.

60. Делегация Канады призывает проявить осторожность при наделении депозитария договора функцией проверки явно недействительной оговорки. В силу этого степень неопределенности может возрасти, так как определение истинного объекта и цели договора является крайне сложной задачей.

61. Обращаясь к теме об односторонних действиях государств, оратор характеризует Руководящие принципы как полезный для применения государствами на практике инструмент, в котором в полной мере отражена международная судебная практика в этой области. Оратор соглашается с Комиссией, что не существует единообразной концепции одностороннего действия. Поэтому было бы разумным ограничить Руководящие принципы официальными односторонними заявлениями, способными привести к возникновению обязательств в соответствии с международным правом. При определении одностороннего действия вполне оправданно уделение Комиссией особого внимания намерению государства, так же как и подтверждение в преамбуле того, что государства могут "оказаться связанными своим односторонним поведением в международном плане". Оратор также отмечает, что Комиссия явно исключала оговорки из сферы действия Руководящих принципов и одобрила ограничительный подход к толкованию обязательств, которые могут возникнуть в результате односторонних действий. Все еще не решен вопрос относительно правоспособности делать односторонние заявления от имени государства. Делегация Канады выступает за продолжение дискуссии по поводу того, следует ли руководствоваться одними и теми же принципами в отношении заявлений, адресованных конкретным государствам, и заявлений, адресованных международному сообществу в целом.

62. В рамках такой сложной темы, как односторонние действия, возможно частичное совпадение двух групп принципов, применимых, соответственно, к формированию обязательств посредством договора и посредством заявлений. Руководящие принципы должны обеспечивать бóльшую определенность в том, что касается обязательств, возникающих из односторонних действий.

63. **Г-н Ма** Синьминь (Китай), комментируя компетенцию органов по наблюдению за осуществлением договора принимать решения относительно действительности оговорок, говорит, что данная функция, которой их наделают в этом отношении проекты руководящих положений, выходит за пределы их обычной функции осуществлять оценку и не отвечает соответствующим положениям Конвенции о праве международных договоров и практике государств. Принятие или отклонение той или иной оговорки договаривающимися сторонами существенным образом влияет на последствия оговорки. Договорные органы, с другой стороны, интересует не корректировка договорных отношений, а скорее осуществление конкретного договора в рамках существующих договорных отношений. Принятие решения относительно действительности оговорок не должно входить в сферу компетенции органов по наблюдению за осуществлением договоров. Поэтому оратор предлагает исключить третий подпункт проекта руководящего положения 3.2 и проекты руководящих положений 3.2.1, 3.2.2 и 3.2.3 целиком.

64. В проекте руководящего положения 3.2.4 предусматривается, что решение органа по наблюдению за осуществлением договора не исключает и не затрагивает решения других договаривающихся сторон и органов по урегулирования споров. Однако различные органы, в компетенцию которых входит принятие решений, могут иначе оценивать одну и ту же оговорку. Вывод, содержащийся в проекте руководящего положения 3.2.4, слишком субъективен и не способствует практическому решению проблем. Аналогичным образом, проекты руководящих положений 3.3–3.3.4 не вполне продуманны и требуют дальнейшего обсуждения. В функции депозитария договора, определяемые в проекте руководящего положения 2.1.7, не следует вводить положение, предписывающее ему обращать внимание сторон на правовые проблемы, возникающие в связи с оговоркой, поскольку это будет выходить за рамки процедуры, определяемой функциями депозитария.

65. В отношении положений проекта руководящих положений 3.3.2 и 3.3.3 уместен не вопрос действительности или недействительности оговорки, а то, можно ли или нет делать оговорку. Другие

договаривающиеся стороны свободны в своем решении относительно принятия оговорки. Если одни договаривающиеся стороны предпочитают принять, а другие – отклонить оговорку; сложно делать вывод о том, что эта оговорка изначально является недействительной.

66. Касаясь предлагаемого Специальным докладчиком определения "объекта и цели" договора, оратор говорит о необходимости внесения большей ясности в вопрос о зависимости, существующей между оговорками, raison d'être и существенно важными положениями договора и его объектом и целью.

67. Оратор предлагает Комиссии рассмотреть вопрос об использовании других терминов при формулировании оговорок и определении их действительности. Использование терминов "действительный" и "действительность" в обоих контекстах создает путаницу. Вопрос о том, может ли делаться оговорка, не влечет за собой автоматически постановку вопроса о действительности самой оговорки.

68. Оратор поздравляет Комиссию с завершением рассмотрения ею вопроса об односторонних действиях государств. Руководящие принципы применимы только к односторонним действиям государств, основу которых составляет намерение самих государств взять на себя международные обязательства. Эти принципы не распространяются на односторонние заявления, сделанные в соответствии с международным правом, или на односторонние действия, предполагающие создание прав в соответствии с международным правом. Однако их принятие является вкладом в развитие международного права благодаря определению тех действий государств, которые могут привести к возникновению международных обязательств, и тем самым способствует повышению уровня стабильности и предсказуемости международных отношений.

69. **Г-н Рулантс де Стапперс** (Бельгия) говорит, что предварительные выводы 1997 года об оговорках к многосторонним нормативным договорам, включая договоры о правах человека, в целом приемлемы. Когда речь идет о такого рода договорах, нет смысла отступать от положений Венской конвенции о праве международных договоров, которая включает кодификацию права об оговорках, устраняя тем самым необходимость в lex speciales.

70. Оратор одобряет пункт 3 предварительных выводов и подтверждает изложенную в Комитете в 2004–2005 годах позицию делегации Бельгии относительно недействительности оговорок, противоречащих объекту и цели договора. Делегация Бельгии также принимает пункт 5 предварительных выводов при том понимании, что этот пункт, определяющий компетенцию органов по наблюдению за осуществлением договоров, высказывать замечания и выносить рекомендации относительно допустимости оговорок, должен восприниматься в контексте других пунктов данного текста и без ущерба для принятия или отклонения оговорок государствами – участниками договора.

71. **Г-жа Эскобар Эрнандес** (Испания) с удовлетворением отмечает, что в проектах руководящих положений об оговорках к договорам Комиссия выбрала термин "действительность", а не допустимость или противопоставляемость – вариант, которому делегация Испании отдавала предпочтение на последних двух сессиях Генеральной Ассамблеи. В испанском варианте проекта руководящего положения 3.1 термин validez определяется словом material, что позволяет конкретизировать смысл термина и обозначить его отличие от любого толкования, касающегося последствий оговорки. Делегация Испании согласна с основной направленностью проектов руководящих положений 3.1.1–3.1.4 и особенно с использованием понятия "объект и цель договора" в качестве критерия определения действительности оговорки, имплицитно допустимой по условиям договора. Однако в проекте руководящего положения 3.1.1 говорится об оговорках "явно запрещаемых" договором, что оставляет открытым вопрос об имплицитно запрещенных оговорках.

72. В проекте руководящего положения 2.1.8 (Процедура в случае явно недействительных оговорок) появился новый элемент прогрессивного развития права, который требует тщательного изучения, поскольку он имеет отношение к определению статуса депозитария.

73. Что касается "объекта и цели" договоров, то оратор считает, что в практическое руководство в отношении оговорок необходимо обязательно включить определение. Оратор предпочитает первый вариант из предлагаемых в записке Специального докладчика по проекту руководящего положения 3.1.5 (A/CN.4/572).

74. Представляется нелогичным, чтобы учрежденный в связи с конкретным договором наблюдательный орган не обладал полной компетенцией решать вопрос о действительности оговорок к данному договору, и поэтому общая цель проектов руководящих положений 3.2.1–3.2.4 заслуживает поддержки. Тем не менее следует более четко определить взаимосвязь, существующую между проектами руководящих положений 3.2 и 3.2.4, поскольку применение содержащегося в 3.2.4 положения не решает проблемы того, как поступать, когда различные органы приходят к противоречащим друг другу выводам относительно действительности одной и той же оговорки. Этот вопрос следует обсудить в контексте совещания, которое намечается провести во время пятьдесят девятой сессии Комиссии с представителями договорных органов по правам человека.

75. Касаясь темы односторонних действий государств, оратор одобряет данные руководящие принципы и подход, примененный при определении односторонних действий, условий, при которых они могут иметь правовые последствия, и представителей государства, обладающих правоспособностью делать заявления, налагающие обязательства на данное государство. Однако в некоторых положениях руководящих принципов проводится нежелательная параллель с договорами. У оратора также возникают сомнения относительно использования термина "ничтожный" (nulo) применительно к односторонним действиям.

76. **Г-жа Галван Телеш** (Португалия) замечает, что некоторые из предложений и решений, рекомендованных Специальным докладчиком в его работе по оговоркам к договорам, содержат слишком прогрессивные идеи по сравнению с реальной практикой и, несмотря на исключительную ценность этой работы, может подразумевать внесение поправок в Венские конвенции.

77. Хотя первоначально Комиссия не была уверена, какой термин использовать – "действительность/недействительность" или "допустимость/недопустимость", она, судя по всему, – явно под влиянием Специального докладчика – решила выбрать первый. Хотя делегация Португалии понимает, почему Специальный докладчик хотел бы определить оговорки как действительные или недействительные, она считает, что принятие такого определения преждевременно и может иметь слишком далеко идущие последствия. Кроме того, преимущества использования терминов "действительность/недействительность" сомнительны. Как представляется, практика свидетельствует о том, что в этом плане режим Венской конвенции о праве международных договоров, является достаточным и что нужно сделать акцент на сферу охвата последствий данной оговорки и возражений к оговоркам, а не на вопрос об определении.

78. Как отмечается в пункте 95 доклада Комиссии, целью ее работы над темой оговорок к договорам является исключительно создание руководства для практической деятельности при полном понимании того, что в соответствующие положения Венских конвенций не должны вноситься никакие изменения. Кроме того, практика государств многообразна. Следует помнить о том, что сама Венская конвенция о праве международных договоров обходит молчанием этот вопрос, хотя в ней есть четкие положения относительно действительности и недействительности договоров. Помимо этого, институт оговорок носит конкретный и договорный характер, и в Венских конвенциях особая роль отводится государствам – участникам договора в плане отслеживания оговорок при отсутствии независимой третьей стороны. Тот факт, что государство не возражает против той или иной оговорки, необязательно означает, что оно считает данную оговорку действительной. Кроме того, если даже ни одно государство не возражает против оговорки, это тоже необязательно означает, что эта оговорка действительна. Справедливо и обратное.

79. Умолчание со стороны государств нельзя трактовать как молчаливое признание юридической силы оговорок. С другой стороны, делегация Португалии не понимает, как предполагаемая присущая оговорке недействительность может помешать государствам принять ее или чем на практике отличается предотвращение такого принятия от изменения ничтожности оговорки. Создается впечатление, что используемый Специальным докладчиком подход ведет к превращению субъективной, договорной системы, предусмотренной в Венских конвенциях, в некую объективную систему. Хотя делегация Португалии может согласиться с его предложениями de lege ferenda, его подход не представляется de lege lata и таким образом выходит за рамки того, что предусматривают Венские конвенции.

80. Хотя делегация Португалии в целом согласна с проектами руководящих положений 3.1, 3.1.1, 3.1.2, 3.1.3 и 3.1.4, она считает, что стоит сделать некоторые замечания. Судя по всему, в проекте руководящего положения 3.1 не разрешается вопрос о том, какое слово следует использовать для характеристики акта представления оговорки. Определять акт представления должен не термин, используемый в статье 2 или статье 19 Венских конвенций, а правовой режим, регулирующий представление. Кроме того, государства обладают скорее "свободой", нежели "правом" представлять оговорки. Совсем другое дело вопрос о принятии ("допустимости" или "действительности") оговорки.

81. Хотя делегация Португалии согласна с проектом руководящего положения 3.1.1, она считает, что составители Венских конвенций исходили из значительно более простых соображений и цели. Когда в определенной конвенции государства предусматривают, что все, часть или какие-либо определенные категории оговорок запрещены, это не противоречит статье 19 Венских конвенций или цели данного договора. Включая такое положение, государства квалифицируют эти оговорки как противоречащие цели договора. Наряду с этим при определении того, что именно представляет собой "определенная категория" оговорок, следует руководствоваться положениями статьи 31 и следующих за ней статей Венских конвенций применительно к толкованию договоров.

82. Делегация Португалии считает приемлемым и проект руководящего положения 3.1.2, но полагает, что необходимо провести тщательный анализ того, что представляет собой "определенная оговорка". Те оговорки, которые не подпадают под категорию неопределенных оговорок, должны отвечать критериям "объекта и цели договора". В отношении проектов руководящих положений 3.1.3 и 3.1.4 делегация Португалии согласна, что "подразумеваемо запрещаемые оговорки" и "разрешаемые определенные оговорки" должны также проходить тест на совместимость с объектом и целью договора.

83. Оратор приветствует рекомендацию Комиссии о том, чтобы Секретариат организовал в консультации со Специальным докладчиком в период проведения ее пятьдесят девятой сессии совещание с экспертами Организации Объединенных Наций по правам человека для обсуждения вопросов, касающихся оговорок к договорам по правам человека. Предварительные выводы об оговорках к многосторонним нормативным договорам, одобренные Комиссией в 1997 году, послужат хорошей основой для такого обсуждения.

84. Почти 10-летняя работа выявила трудности, с которыми сопряжен процесс кодификации международного права по односторонним действиям государств. Как отмечается в пункте 174 доклада Комиссии, эти трудности усугубляются тем, что концепция одностороннего действия понимается по-разному. Поэтому делегация Португалии считает, что Комиссии следует завершить работу над этой темой принятием руководящих принципов, применимых к односторонним заявлениям государств, которые могут вызвать возражения, а это по-существу подчеркивает, что государства могут принимать правовые обязательства посредством односторонних заявлений, обязательный характер которых определяется применением важнейшего правового принципа добросовестности. В руководящих принципах также выдвинуты определенные условия, которым должны отвечать такие заявления, для того чтобы они приводили к правовым обязательствам. Делегация Португалии по-прежнему считает, что односторонние действия государств весьма многообразны и могут иметь самые различные последствия, а также что они отвечают реальным потребностям государств и международного сообщества. Делегация Португалии тщательно изучит руководящие принципы и соответствующие комментарии, памятуя о том, что обязательная юридическая сила односторонних заявлений зависит от конкретных обстоятельств.

85. Наконец, оратор говорит, что было бы полезным квалифицировать различные виды односторонних действий (признание, обещание, уведомление, отказ и протест) и изучить другие их виды, чтобы определить, следует ли включать их в эту квалификацию. Однако, поскольку этот подход успеха не имел, делегация Португалии с удовлетворением принимает предложение Комиссии закончить рассмотрение этой темы.

86. **Г-н Тадзима** (Япония) говорит, что хотя делегация Японии согласна со Специальным докладчиком в том, что руководящие положения об оговорках к договорам должны быть, насколько это возможно, подробными и всеобъемлющими, она

отмечает, что прошло более 10 лет с того момента, когда Комиссия начала рассмотрение этой темы, и поэтому делегация Японии выступает за проведение широкого обзора в ближайшем будущем руководящих положений. Она высоко оценивает тщательность подхода Специального докладчика к вопросу объекта и цели договора, которые обычно определяются в оговорке и возражении к каждому договору. Поскольку допустимость оговорки различна в зависимости от характера каждого договора, будет, возможно, нелегко согласовать единое общее определение этого понятия.

87. Что касается статей о правоспособности проводить оценку действительности оговорок, то делегация Японии считает, что вопрос о компетенции наблюдательных органов, учреждаемых договором, следует решать с учетом соответствующих договоров об этих органах. Тем не менее проведение Комиссией совещания с экспертами Организации Объединенных Наций по правам человека поможет более тщательно разработать элементы статей по этой теме, касающихся как существа, так и процедуры. Наконец, Комиссия с полным основанием сосредоточила внимание на единой категории односторонних действий государств, и нет необходимости проводить кодификацию под общим названием "Односторонние акты государств".

88. **Г-н Фицхен** (Германия), обращаясь к теме оговорок к договорам, говорит, что вопрос о недействительных оговорках по-прежнему сохраняет свою важность, особенно применительно к договорам, которые включают гарантии в отношении прав человека, и к договорам о борьбе с международным терроризмом. Следует проявлять особую бдительность, чтобы противодействовать попыткам подорвать или поставить под сомнение принятие нормы путем введения исключений с помощью оговорок. Поэтому делегация Японии с удовлетворением отмечает, что за последние годы внимание к этому вопросу возросло. Делегация также очень высоко ценит отношение Комиссии к данной теме как к весьма актуальной.

89. Защита прав человека – это одна из тем, которые неизменно актуальны в связи с проблемами, касающимися оговорок. Европейская конвенция о правах человека уже давно используется для определения действительности или недействительности оговорок, аналогично той роли, которую играют органы наблюдения за осуществлением договоров Организации Объединенных Наций, и вот уже около 20 лет компетенция Европейского суда по правам человека выносить решения о действительности оговорок является неотъемлемой частью системы прав человека в соответствии с Конвенцией. Кроме того, прецедентное право Суда содействовало принятию Советом Европы доктрины делимости. Согласно этой доктрине, государство, сделавшее недействительную оговорку, считается полностью связанным обязательствами по договору. Этот подход еще не нашел применения в сфере всеобщей защиты прав человека, но если будет решено возобновить обсуждение предварительных выводов Комиссии, то вполне вероятно, что некоторые европейские страны охотно используют эту возможность, чтобы вернуться к рассмотрению данного вопроса.

90. Все еще сохраняются сомнения относительно того, будет ли обеспечена эффективность гарантий прав человека, если участникам договора по правам человека будет в принципе дана полная свобода действий в плане переработки его положений. Скорее, именно структура нормативных договоров отличает их от традиционных двусторонних договоров и таким образом оправдывает их "конституционализацию", по крайней мере de lege ferenda. Если Комиссия не готова отказаться от более консервативной концепции системы оговорок, основанной на положениях Венской конвенции о праве международных договоров, она должна по крайней мере рассмотреть вопрос о корректировке во время обсуждения как предварительных выводов, так и проектов руководящих положений. В рамках такой корректировки, в тех случаях, когда органам наблюдения за осуществлением договоров действительно предоставлено право определять, являются ли оговорки к договорам действительными, такая компетенция должна превалировать над любым другим механизмом, используемым в тех же целях. Во всех других случаях сохраняется необходимость разработки процедур и практики в рамках существующей системы, которые заставят еще большее число стран реагировать на неприемлемые оговорки и в случае необходимости выдвигать против них возражения.

91. **Г-жа Уильямс** (Соединенное Королевство) говорит, что хотя делегация Соединенного Королевства в основном одобряет коллегиальный подход ко всем вопросам в программе работы Комиссии, она ставит под сомнение необходимость проведения специального

совещания с экспертами Организации Объединенных Наций по правам человека. Делегация Соединенного Королевства убеждена в том, что оговорки к нормативным договорам, включая договоры по правам человека, должны подчиняться тем же правилам, что и оговорки к другим видам договоров. Органы по наблюдению за осуществлением договоров по правам человека правомочны решать вопрос о приемлемости или последствиях конкретной оговорки только в том случае, когда такие полномочия предусматриваются договором. Во всех других случаях их заключения не являются определяющими или решающими. Наконец, именно сформулировавшее оговорку государство должно принимать меры для устранения любой неопределенности.

92. Что касается проектов руководящих положений, переданных в Редакционный комитет, то делегация Соединенного Королевства хотела бы повторить свои прежние замечания, касающиеся проектов руководящих положений 3.1.7–3.1.13. Она по-прежнему сомневается, можно ли или даже стоит ли чисто теоретически уточнять понятие "объект и цель договора". Высказанные сейчас оратором замечания относительно роли органов по наблюдению за осуществлением договоров касаются и проектов руководящих положений 3.2–3.4.

93. Перейдя к руководящим положениям, в предварительном порядке, принятым Комиссией, оратор говорит, что в проекте руководящего положения 3.1.1 разъясняется смысл подпункта a) статьи 19 Венской конвенции о праве международных договоров. Делегация Соединенного Королевства согласна с Комиссией в том, что этот подпункт касается только оговорок, ясно запрещаемых договором. Она не согласна с тем, что определенные договоры в силу своего характера или цели имплицитно запрещают оговорки. Одобряя гибкость, проявленную Комиссией при формулировании проекта руководящего положения 3.1.2, в котором делается попытка раскрыть значение термина "определенные оговорки", делегация Соединенного Королевства по-прежнему обеспокоена тем, что, возможно, это определение не охватывает всех обязательств, при которых оговорка может оказаться "определенной". Она также согласна с предлагаемой Комиссией формулировкой проектов руководящих положений 3.1.3 и 3.1.4, предусматривающих совместимость любой оговорки, не запрещенной договором или не являющейся "определенной" оговоркой, с объектом и целью договора. Тем не менее она ставит под сомнение сделанную в комментарии ссылку, касающуюся применимости пунктов 2 и 3 статьи 20 Венской конвенции, которые, по мнению делегации Соединенного Королевства, неприменимы или применимы только по аналогии в отношении недопустимых оговорок. Проект руководящего положения 2.1.8 и сопутствующий комментарий также вызывают беспокойство; в них должно быть более четко указано, когда оговорка считается "явно действительной", учитывая тот факт, что это положение предполагается распространить на все три категории недопустимых оговорок, перечисленных в статье 19. Неясно, почему депозитарий, а не страны-участницы имеет возможность определять, является ли конкретная оговорка несовместимой с объектом и целью договора. В этом руководящем положении не учтены возможные последствия такого изменения. Многие государства придерживаются той точки зрения, что роль депозитария ограничивается передачей текста оговорок государствам – участникам договора, и что он должен сохранять нейтралитет и беспристрастность.

94. Наконец, делегация Соединенного Королевства выражает надежду на то, что 10 руководящих принципов, касающихся односторонних действий государств, станут конечным результатом работы над этой темой. Оратор не будет делать замечаний по существу принципов, а лишь укажет, что в этом контексте главную роль играет намерение государства.

95. **Г-н Тлади** (Южная Африка) говорит, что проекты руководящих положений об оговорках к договорам в основном отвечают букве и духу Венской конвенции о праве международных договоров, особенно статье 19. Делегация Южной Африки сознает, что слишком большое количество оговорок может отрицательно сказаться на целостности многосторонних конвенций. Тем не менее она также понимает, что оговорки нужны как средство расширения участия государств в таких конвенциях. Поэтому она призывает государства-члены учитывать положения и дух статьи 19 Венской конвенции, которая ограничивает круг приемлемых с точки зрения международного права оговорок и тем самым тонко уравновешивает критерии целостности договорного права и заинтересованности в более широком участии.

96. Вторая часть проекта руководящего положения 2.1.8 вызывает сомнение, поскольку в ней

предусматривается, что если автор явно недействительной оговорки настаивает на ней, депозитарий, препровождая текст этой оговорки другим государствам, также указывает на характер возникающих в связи с этой оговоркой правовых проблем. Таким образом, согласно данному проекту происходит превышение полномочий депозитария, предусмотренных в Венской конвенции, и в связи с этим возникает ряд вопросов о последствиях и статусе юридического заключения депозитария. Кроме того, такое заключение может предрешить рассмотрение правового вопроса и лишить государства инициативы. Делегация Южной Африки не является сторонником недопустимых или недействительных оговорок и не отвергает практику выражения органами наблюдения за осуществлением договора мнения относительно действительности оговорок. Тем не менее возможность наделения депозитария функциями судьи или арбитра вызывает у нее беспокойство.

97. **Г-н Астради** (Италия) говорит, что Комиссия вскоре будет рассматривать некоторые из наиболее спорных вопросов, касающихся оговорок к договорам, а именно об оценке оговорки к договору. В зависимости от ответов на эти вопросы Комиссии следует пересмотреть свои предварительные выводы по оговоркам к многосторонним нормативным договорам. Те несколько проектов руководящих положений, которые были приняты Комиссией в 2006 году, не вызывают вопросов у делегации Италии. Тем не менее можно сказать, что они еще более усложняют и текст, и комментарии. Данная тема все более усложняется, и, по-видимому, полезность руководящих положений будет зависеть от способности Комиссии разработать ясный и понятный документ, который государства смогут использовать в своей практике.

98. Делегация Италии с удовлетворением отмечает принятие Комиссией свода руководящих принципов, касающихся односторонних действий. Однако не совсем понятно, намерена ли Комиссия закончить изучение этой темы или она уже составила предварительный текст, прежде чем приступить к более исчерпывающему изучению практики с последующим принятием проектов статей. Хотя руководящие принципы касаются только тех случаев, когда государство сознательно намерено взять на себя правовые обязательства в одностороннем порядке, в них, тем не менее, признается, что правовые последствия часто связаны с тем, чего, исходя из поведения данного государства ожидают от него другие государства. Некоторые примеры, которые приводятся в комментариях, можно понять в том смысле, что они скорее относятся к такого рода ситуациям или к какому-то подразумеваемому соглашению, чем к одностороннему принятию на себя правовых обязательств.

Заседание закрывается в 13 ч. 00 м.